

И на ухо шепнул ему тихонько:
«Проснись! Вставай, дубина! Поросенок!
Да не визжи, не хрюкай ты спросенок.
Пока ты тут храпел, болван, и дрых,
Я поработал знатно за двоих,
И мельника проклятого ославил,
А дочку дурня трижды позабавил».
Проснулся мельник, и как услышал он,
Что говорит и хвастает чем Алан,
Он разъярился, как стоялый бык,
И поднял вой отчаянный и крик:
«А, чтоб тебе ни выдоха, ни вздоха.
Ах, чертов сын, развратник и пройдоха.
И что за наглость этакая в хаме!
Заплатишь ты своими потрохами.
Да знаешь ли, чернильная ты муть,
На чью ты кровь решился посягнуть?»
И, чтобы отомстить скорей злодею.
Он Алану вцепился прямо в шею
И кулаком ему расквасил нос,
А тот ему в ответ скулу разнес,
И сок кровавый из него закапал.
И покатались с кровати на пол,
Барахтаясь, как две свиньи в мешке,
Дубася и в живот и по башке.
Поднялся мельник, Алан снова ухнул,
И на жену с размаха мельник рухнул.
А та, усталая, чуть задремала
В объятьях Джона и не понимала,
Под тяжестью двойной погребена,
Что с ней случилось. Взвизгнула она:
«Ой, шишка у меня на лбу раздулась,
Спаси меня Христос. In manus tuas¹⁰³.
Проснись же, Симон. Навалился враг!
Один на голове, другой в ногах.
Скорее, Симкин, прогони же беса.
А, вот ты кто, негодный? Ах, повеса!»
Тут Джон вскочил и шарить стал дубину,
Она за ним, поняв наполовину,
Где враг, где друг: рванула впопыхах
И оказалась с палкою в руках.
Луна едва в окошечко светила,
И белое пятно ей видно было.
И вверх и вниз то прыгало пятно,
У ней в глазах маячило оно.
Его приняв за Аланов колпак,
Она ударила наотмашь. «Крак!» -
По комнате раздалось. Мельник сел
И от удара вовсе осовел.
Пришлась ему по лысине дубина.
И в обморок упала половина
Его дражайшая, поняв свой грех.

¹⁰³ В руки твои предаю дух мой (лат.).